

Юки-но Окуримоно

Лица, скрытые шёлковыми рукавами



Юки-но Окуримоно Лица, скрытые шёлковыми рукавами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72933269

SelfPub; 2025

Аннотация

Япония, период Хэйан. Знатный молодой господин при загадочных обстоятельствах теряет свою невесту. Отчаявшись отыскать её в столице, юноша отправляется в дальние провинции на острове Сикоку... Через некоторое время необычный гость оказывается у ворот усадьбы, где живут юные девы и старые дамы. Можно ли получить ответы на вопросы, познать дружбу и истинную любовь, а также добыть средства к существованию в мире, где женщины и мужчины разделены занавесами, веерами, рукавами, и иногда ты не вполне уверен, кто твой собеседник на самом деле? Книга от поклонницы классической японской литературы, современных азиатских новелл и разнообразных легенд о волшебных существах

Содержание

Часть I	5
Часть II	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юки-но Окуримоно
Лица, скрытые
шёлковыми рукавами

Лица, скрытые шёлковыми рукавами

Юки-но Окуримоно

Часть I

I

Холод погасил яркие огни листьев клёнов. В доме правителя провинции Сануки расторопные слуги уже оклеили перегородки новой бумагой и постелили свежие циновки. Семь приятных лицом нестарых дам в широких шелковых светло-коричневых накидках на зеленой подкладке (сочетание называлось «хризантема») и с огромными рукавами сидели у тонкой, но крепкой деревянной колонны. Чёрные волосы красавиц спускались до пола и то прятались в складках длинных одежд, то выныривали к свету будто в полсилы сиявшему солнцу. Жена правителя провинции Сануки устроилась поодаль, и сосуд с песком и углями – «хибати» – касался одного из жёлтых в зелёную клетку рукавов на подкладке цвета молодой травы. Наряд в цветах «девичья краса» шёл госпоже, сидевшей перед бамбуковыми занавесями, обшитыми по краям шёлком, но ни платье и волосы, ни густо набелённое лицо с круглыми щеками, маленьким носом и тонкими линиями бровей не мог увидеть гость – брат мужа. Зная о скором намерении деверя уехать, Каэдэ¹ негромко, но горько сетовала:

¹ По-японски, «клён – символ красоты осени», если верить Интернет-источникам.

– Как вы жестоки! Вы дольше добирались из столицы, чем прожили под крышей нашего дома после стольких лет разлуки!

– Ваши упреки вдвойне горько слушать, ведь они несправедливы! – ответил юноша, который был заметно моложе собеседницы. – Я ведь отправился в Сануки только потому, что отчаялся найти в Ямасиро свою невесту! Ещё до болезни я объездил всю эту провинцию – не один, ведь даже государь не остался безучастным к нашему горю. Из столицы пропала дочь знатного человека! Из усадьбы на четвёртой линии на восточном берегу реки Тэндзин!

– Ни к чему вспоминать – вам станет худо, – испугалась Каэдэ.

– Мне уже три раза так худо было. Сначала – когда узнал о пропаже Каийо². Потом – когда последнее её письмо от слез моих размокло и развалилось. В последний раз – после того, как даже родители моей госпожи надели серое платье скорби по ушедшей, поверив, что порядочная дочь обманула слуганок и дам, одна выбралась из дома на улицу и прыгнула в реку!

– Как Укифунэ...

– А я считал часть «Повести о Гэндзи» с этой девушкой небылицей.

– Укифунэ оказалась живой, её нашли добрые люди.

– Вот брат и посоветовал мне вместо монашеского по-

² По-японски, «прощение».

стрига отправиться на поиски. Каийо может быть здесь, или в Оми, или в Садо, или в Муцу!

– Так далеко!

– Вот и не просите меня задержаться. Брат помог собрать список странных случаев появления на острове Сикоку женщин, другим жителям незнакомых. Не только в Сануки, госпожа – тут и из Иё, из Ава, из Тоса...

За занавеской раздался вздох столь сильный и тоскливый, что гость услышал шелест одежд поспешивших на помощь хозяйке дам. Каэдэ заплакала. Перегородка отодвинулась, и одна из прежде подобных статуям женщин велела служанке, ждавшей в другой комнате, принести воду для умывания. Где-то настойчивый голос поучал подругу: «Я убрала новые благовония в сундук в нашей спальне. Тот, что в углу. Под оранжевый шёлк. Беги скорее!»

Гость уже подумывал, не покинуть ли ему хозяйку, чтобы не стеснять её и дам своим присутствием, но Каэдэ, торопясь, почти задыхаясь, взмолилась:

– Погодите немного, Аринори³! Я должна объясниться и попросить о великой милости!

Хоть юноша никогда не беседовал с женщинами из хороших семей иначе, чем через занавесы или ширмы, ему стало не по себе от того, сколько невидимого глазу случается одновременно с мужской жизнью, такой простой, честной, светлой. Не зря Аринори до знакомства с Каийо вовсе не хотел

³ По-японски, «жить по правилам».

жениться!

– Аринори, я бы никогда не рассказала вам такое, но вы не зря же говорили, что я как сестра?

– Госпожа... госпожа Каэдэ, – собираясь поддержать доверительную обстановку, юноша тоже назвал невестку по имени, – мое несчастье сделало меня нечутким и забывчивым. Мир непостоянен, покой зыбок. Что заставило вас встревожиться? Помнится, ваш отец был правителем земель Тоса?

– Да, и привез туда свою жену и сыновей. Супруга была из такого знатного рода, что через близких без стыда отобрала у мужа волю во многих делах. А моя мать выросла в семье куда менее богатой, чем правитель. Случайно встретившись во время паломничества в храм Конгофукудзи, родители мои не смогли уже жить спокойно вдали друг от друга. Отец поселил мать в отдельной усадьбе у реки Ниёдо и часто приезжал туда. Увы, любимая женщина правителя скончалась после моего рождения. Меня забрали бабушка и дедушка, а дом остался пустым.

Когда семью отца пригласили вернуться в столицу, все быстро собрались и отправились в дорогу. Судьба оставленной дочери недолго была туманной. При переправе через пролив лодка с госпожой перевернулась – а, говорят, на небе было ни облачка и гладь водная точно застыла. Тяжелые одежды утянули хозяйку и многих дам ее на дно...

Аринори слушал, разглядывая роспись на бежевой стене. Жёлтые пятна виделись облаками, темные штрихи – гора-

ми, реками и соснами. Не хватало только людей, которые бы любили и мучились на этой земле. Приятный голос госпожи Каэдэ продолжал:

— ... Отец послал за мной еще до того, как справили все положенные похоронные обряды. Я стала расти в столице. Но в городе Хэйан столько красавиц, что господин не долго жил один. Он вскоре женился на сироте, взятой из милости в дом родственников между рекой Камо и большой восточной дорогой у столичного предела, на девятой линии. Новая госпожа не понравилась многим, особенно пяти сыновьям от прошлой супруги. Воспитывались они то у отца, то у бабушки и дедушки по покойной матери, где, должно быть, родня часто бранила худородную мачеху. Своих детей у новой жены не было, но муж уже успел обзавестись шестью чадами и новых не требовал. Так мы и жили. Двое старших братьев моих уже сами служили государю и считались завидными женихами, когда вторая госпожа родила девочку.

Шло время. Я сама уже стала невестой. Как дозволяет обычай, письма ко мне писали многие знатные юноши. Только строки от вашего брата заставляли сердце гореть. Мачеха же пыталась склонить меня к браку с одним из сыновей родственников, некогда приютивших ее, и даже мужу говорила о необходимости этой свадьбы. Братья долго ничего не знали, пока я случайно не проговорилась. Они встали на мою сторону, расстроив планы мачехи. Когда я счастливо вышла замуж за вашего брата, вся родня отвергнутого поклонника

совсем отвернулась от госпожи и даже перестала принимать её подарки на праздники и отправлять свои. Я с мужем уехала в Сануки. Вы тогда были ребенком и немного проводили нас.

Отец заболел и умер. Вдова с дочкой остались на попечении у пасынков, увы, не желавших, чтобы госпожа Хосокава провела остаток жизни без новых бед. Я мельком слышала, что госпожу унижали, не позволяли ей даже уйти в монастырь, а после решили сослать в маленькую усадьбу в провинции Тоса, успевшую обветшать. Содержание им, должно быть, выделяется самое скудное. Не знаю, есть ли у них дамы и слуги.

Хотя бы в память о моем отце я не могу остаться безучастной. У меня имеются сбережения. Я не могу просить мужа узнать что-нибудь о судьбе госпожи Хосокавы, ведь он помнит, как та противилась нашему браку, и обещал при встрече сделать с ней нечто страшное... Я могу помочь без ущерба для семьи, но не знаю, как связаться – должно быть, мацеха считает, что мы с братьями одинаково её ненавидим! Женщина не может свободно покинуть дом – мужчина волен ехать хоть на край света. Если получится, Аринори, найдите госпожу Хосокаву и её дочь и пришлите мне весточку!

Каэдэ держалась, чтобы хорошо рассказать историю, но, закончив, снова принялась плакать и утирать рукавами слёзы.

– Вы очень добры и чутки, милосердие ваше будет заслу-

гой в следующем перерождении. Я сделаю все, чтобы помочь бедным женщинам, и подробно вам напишу! – дал обещание Аринори.

Гость должен был еще проститься с братом. Пока он шёл по галерее из флигеля хозяйки в главный дом усадьбы, то через раздвинутые в одном месте легкие стены увидел двух шедших по двору слуг. Ожидая важного известия, юноша помахал рукой с закрытым веером. Люди, заметив знак хозяйина, еще быстрее зашагали к лестнице, ведущей на галерею.

Аринори носил платье, называемое охотничьим – «каригину». Шаровары были не лишком широкими. Верхнее одеяние шилось коротким спереди, а объёмные рукава господин еще утром велел подвязать. На голове чернела, венчая серый наряд, высокая шапка «эбоси».

Шедший без поклажи слуга – сын кормилицы Аринори – владел платьем подобным. Некогда сам господин из собственных сундуков подарил молочному брату шаровары и кафтан особого цвета: сначала те были выкрашены в синий, а потом – в красный. Шапка казалась ниже, чем у брата главы провинции. Кисо⁴ для не слишком сведущих людей мог сам сойти за господина! Второй слуга нёс несколько тяжелых корзин. Оба приветствовали господина поклоном, но первый поднялся по ступеням в галерею, велел перед этим другому: «Убери в повозку!»

– Кисо, что сказал гадатель? – от волнения на лице юноши

⁴ По-японски, «основание, база, красота природы, сила воды».

выступили пятна.

Сняв шапку, слуга доложил:

– Надо быстро ехать в провинцию Тоса.

– Пусть так и будет. Приготовь все к скорому отъезду, чтобы в час Лошади⁵ мы уже далеко позади оставили эту усадьбу.

– Да, господин... Господин, с нами едут трое слуг отсюда. Они хорошо знают провинции и остров. Однако, если с нами будет много людей, мы окажемся слишком заметными, и у злодеев будет повод навредить госпоже – ведь вдруг она похищена? Не оставить ли мне трёх слуг, отправившихся с нами из столицы, здесь помогать по хозяйству и ждать от вас распоряжений?

– Как хочешь, делай. Все тебе поручаю, – отмахнулся Ари-нори.

Слуга, нёсший прежде корзины, оказался среди тех, кому временно определили жить в усадьбе. Вечером он вёл беседу с новыми товарищами у белых двустворчатых ворот на красных столбах под черепичной крышей:

– ... а я и рад, что здесь остался. Не жалею. Как пошли мы к гадателю – долго Кисо у него пробыл. Я не утерпел, глазом к щели в заборе припал. Смотрю – бежит старик худенький за этим дурнем. Просит-просит: «Тоса! Костью ляжь, а хозяина туда не пускай!» Начнись заваруха – меня бы первого

⁵ В Японии эпохи Хэйан время измеряли по своей системе. Час Лошади соответствует примерно полудню.

туда сунули. Никто у нас лучше меня не дерётся...

– Эх, – один из привратников головой покачал.

– Что за гадатель? У кого морда слоновья на воротах намалёвана? – спросил мальчик, принёсший от кухарки узелок с ужином.

– Ага. Страшная такая, зубастая, – пошутил беззлобно над ребенком, у которого во рту новые резцы не успели пока отрасти, оставленный слуга.

– Тот точно не врёт, – присвистнул еще один привратник. – Может, вовсе хозяин твой не воротится...

II

Управляющий приехал в усадьбу, и никому старый сторож не обрадовался бы больше. Сад так зарос, что местами из-за кустов и деревьев, даже потерявших листву, не видно было крыш основного дома и флигелей. Под павильоном для рыбной ловли вода уже не текла. После одной бури почти половина постройки обрушилась так, что русло ручья изменилось. Мост к острову посередине сада сгнил, только яркие перилла могли еще радовать глаз. Сминая высокие волны мокрой от дождей противной серой травы, двое мужчин шли к главному дому.

– Господин, как же хорошо, что вы здесь, – тараторил сторож. – Как сюда понаехали – мне житья не стало! Как же они шумят! Я даже возненавидел музыку. А в саду постоян-

но скажут девчонки...

– Сколько же тебе лет, если три дамы госпожи Хосокавы кажутся девчонками? – удивлённо спросил управляющий, тряся широким рукавом – пытаюсь отряхнуться.

– Сюда и люди молодые пролезают! Я стар, всех не понимаю. Редко. Но могу поклясться, что я видел их, и они починили крышу над восточным флигелем!

– У них нашлась плата работникам?! – управляющий сделался недовольным.

– Они еще подарили мне халат на вате. Теплый. Я его не ношу, потому что не люблю эту противную госпожу. И мне приносят хорошую еду! Тут уж ем, не могу удержаться. Я слаб! – сетовал дальше на обитательниц усадьбы сторож.

Низкий, худой, сгорбленный, он был похож на паука. Носил старик свободные недлинные штаны и короткий халат с узкими рукавами. Голени закрыл обмотками ткани, ступни защитил обувью из соломы. Вся одежда была из ткани грубой, по полотну вразнобой, а не по хитрому умыслу, шли то коричневые, то зеленые полосы разной яркости. На многих местах стояли заплатки. Управляющий имел тело крупное, носил платье, похожее на наряды господ, одеваемые в путь или на охоту, но расцветку мог выбрать скромную – синюю.

Поправляя высокую черную шапку, он поднялся по лестнице к главному дому. У открытой площадки лежала драная циновка, на которую любой бы побрезговал опуститься. Там же возилась служанка. На ней было кимоно цвета перси-

ка, подвязанное вокруг тонкой талии бледно-желтой юбкой длинной до колен. Волосы густые, блестящие, здоровые девушка собрала в высокий хвост, но часть прядей обрамляло лицо – как будто слишком смуглое, с очень приплюснутым носом. Чужестранка? Но откуда ей взяться в глуши? Служанка возилась с «ките» – переносным занавесом. На некогда добротной, но теперь потрескавшейся и покосившейся высокой подставке с горизонтальными перекладинами на ветру покачивалась та же ткань, из которой сшили когда-то платье сторожа.

– Ты откуда? – рявкнул яростно, точно хотел напугать врага на поле боя, мужчина.

– Господин не знает, откуда берутся слуги? – хитро спросила девушка.

– Прикажу побить!

– Но меня нанимали не вы.

– Прикажу – все отсюда в реку скатятся.

– Не мне вас учить, но имейте хоть немного уважения к вдове покойного хозяина! – воскликнула служанка и отошла за занавес.

Вскоре зашуршали одежды. По тому, как скрипнули старые половицы, ясно стало, что кто-то сел и приготовился слушать гостя. Служанка, теперь невидимая, подсовывала что-то у стены дамам – спутницам госпожи Хосокавы.

– Будет мягче и теплее...

– Спасибо! – дребезжал древний голос.

– Я ехал сюда привезти вам средства, – важно начал управляющий, – но теперь, узнав, что вы как-то иным путем нажили добро, не намерен ничего передавать. Более того, сообщу господам, что вы живете нечестно и заслуживаете наказания. Объяснитесь, откуда у вас новые слуги? Еда хорошая? Платье для сторожа? Возможность крышу починить? И почему меня не пустили в дом? Сразу видно, что вы прячете там шелка, благовония, бумагу, вазы, золото...

– Что вы! Как можно пустить в дом чужого мужчину? – со сдерживаемым гневом спросили из-за занавески.

– Чего вам бояться? В вашем положении не надо думать о приличиях. Там только старухи, которым замуж выходить уже в следующей жизни, и девка-урод, которой только слепой нищий не побрезгует.

– Ты привез сюда пять женщин, Такэсато. И вывалил их из повозки со скудными домашними пожитками. Ранней весной, когда солнце ещё не прогрело землю. Уехал, а нам самим пришлось искать сторожа, просить впустить нас, открыть ворота, потом двери в дом. Старик из жалости поделился с нами огнем, но не было ни пищи, ни постелей. Только грязь и гнилые доски, которые, увы, разрушились под моей матушкой, когда она шла по галерее, – уже обиженно ответили.

– Так с кем я говорю? – засмеялся сторож.

– Я по отцу тоже госпожа Хосокава.

– И чего я трачу на тебя время?

– Матушка болеет. Я веду хозяйство.

– Да на тебя недавно надели «мо».

– Такэсато, этот шлейф надевают на девочек в двенадцать лет. Во-первых, на восьмую луну⁶ мне исполнилось восемнадцать. Во-вторых, на меня не успели. Отец уже умер, братьям было не до обрядов для меня. И зубы я не черню. С такой роднёй взрослеть пришлось иначе.

– Нашлась тут взрослая! Где бы ты была, если бы не милосердные твои братья?

– В этом доме, вдали от милосердных братьев моих, вспомнили мы, что такое счастье. И лучше бы они и ты позабыли сюда дорогу.

– Это их усадьба, гадкая побирушка и воровка!

– Они в день в столице могут столько потратить, сколько мы в год не придумаем, как. Ни за что не поверю, что кто-то из них в усадьбу нашу заедет.

– Считай, считай деньги. Знаешь, какие женщины еще считают?

– Я бы хотела, чтобы мужчина добрый и благоразумный заботился о всех наших нуждах. У меня нет ни твердости, ни решительности. Я хочу, чтобы над теми, кем я дорожу, не текла крыша. Чтобы рядом были огонь и рис. А тебя я больше слушать не хочу! Поезжай в Хэйан. Не передаю ничего братьям, потому что беды мои – их забава. Да и такой

⁶ То есть День рождения девушки в сентябре – начале октября. Ориентируемся на времяисчисление японцев эпохи Хэйан.

бесстыжий человек, как ты, перевернул бы мои слова, до небес раздув мои пороки.

Управляющий встал, собираясь откинуть занавес и стукнуть об пол дрянную в его глазах девку, но рядом возник юноша. Он был в простой, как у сторожа, одежде, но новой. Волосы, собранные в пучок на затылке, казались длинноватыми. В крепких белых руках незнакомец держал топор.

– А я думал, чей это конь привязан у бывшей каретной? – глаза у юноши сверкали безумием, а низкий голос заставлял глубоко спрятанную в полном теле сердце господина Такэсато душу уйти в пятки. Сторож был рядом, но разве старик одолеет странного молодого дровосека?

Ш

– Хорошо, что вы уже уезжаете, – чуть не выронил на ноги управляющего лезвием вниз свой топор юноша. – Или останетесь на обед? Мы состряпали суп – ободрали верхний слой древесины с одной балки. Не той ли, что над вами? Проводить вас отдохнуть во флигель? Мы пойдем садом...

Один глаз у незнакомца точно увеличился вдвое, а второй сжался. Голова тряслась.

Управляющий кубарем слетел со ступеней в заросли и с невиданной прытью побежал через дремучий сад к выходу из усадьбы. Господин не заметил даже, как лицо опасного юноши сделалось мягким и приятным глазу, а из-за занавеса

выглянули еще две головки: знакомая уже служанка с высоким хвостом и сама молодая госпожа Хосокава – слишком бледная даже без белил.

Хлоп!

Перекладина на высокой подставке сломалась напололам. Занавес упал, показывая скрытых прежде женщин.

Та, кто прежде ругалась с управляющим, отпрыгнула в сторону служанки, схватив ту за руку. На ней было темно-серое верхнее платье. Когда девушка стояла, видны были широкие красные штаны-хакама, куда заправила хозяйка нижние платья. Еще три дамы сидели на свернутых покрывалах очень близко к стене дома, но довольно-таки далеко от занавеса – точно ушли глубоко под крышу с тянувшимися к небу углами. Волосы этих спутниц прежней госпожи давно поседели. Сквозь глубокие морщины утекла прелесть лиц. Одежда, как и следует по обычаю, была белой, как снежная вершина горы.

– Попрошу Сигэёси сделать новую перекладину! – воскликнул дровосек тонким девичьим голосом.

– И скажи, чтобы он рот сторожу заколотил, – по-хозяйски распорядилась служанка, и после грубых слов молодая госпожа Хосокава оттолкнула чужую руку.

– Фын-цзе⁷, ты успела! Что же говорят в Муроцу⁸?

⁷ Прототип – амбициозная, хозяйственная и иногда грубая и самонадеянная героиня романа «Сон в красном тереме», автор – Цао Сюэ-цинъ.

⁸ Названия населенных пунктов воспроизведены по памятнику литературы

– Пф, там же почти город. Людей – что семян в тыкве⁹.

– Расскажи самое необычное, – продолжала беседу девушка в одежде дровосека.

– Нашли мужчину. Он пролежал в одном пруду несколько дней.

– Крестьянин или торговец? Или... разбойник?

– Не поймёшь. Голый был.

– Так вот зачем ты отправилась в Муроцу! – неожиданно воскликнула бледная девушка в темно-сером кимоно, прежде молчавшая.

– Я там была по делу. Где же ещё искать...

– Поищи себе дело от меня подальше, – чуть не плача попросила госпожа Хосокава.

– Переоденусь, – развернулась к входу в комнаты внутри дома Фын-цзе. – Сэндзю¹⁰, я уберу занавески, а ты отнеси перекладину Сигэёси. Наоки¹¹, не плачь. Я правда уже ушла.

Госпожа Хосокава никак не показала, что услышала обидчицу. Опустив левую руку, девушка придерживала одну из трех старух, помогая той встать.

Перед тем, как отдать шест на починку, Сэндзю сменила простое платье на наряд в сочетании «керрия» – темно-жёл-

эпохи Хэйан «Дневник путешествия из Тоса», автор Ки-но Цураюки.

⁹ На самом деле у японцев есть «каботя» – овощ, внешне похожий на зеленую тыкву с рыжей мякотью, но являющийся кабачком.

¹⁰ Прототип – ласковая и добрая героиня из десятого свитка «Повести о доме Тайра».

¹¹ По-японски, «честное дерево».

тое на светло-жёлтой подкладке. Она быстро покрыла лицо и шею белой пудрой и нарисовала высоко на лбу брови в виде двух темных кружков. Губы сделала красными. Когда она плавно шла вдоль западного флигеля, то казалось, что, замени палки в ее руках на веер, подвяжи на пояс шлейф под названием «мо» и удлини свои волосы с помощью накладок до земли – и можно отправить Сэндзю во дворец к императору.

За углом здания кипела работа. Слышался стук по дереву и довольный молодой голос. Народная песня¹² звучала в полудиком саду.

... На самой высокой вершине
Стоит драгоценная ива.
Как бы её получить?..

Сэндзю вдруг стало стыдно за свое раскрашенное лицо. К счастью девушки, совсем рядом было кухонное помещение, и дверь туда оказалась открытой. Красавица решила умыться. Волнение, скрипучие ступеньки и полы, а также шорох тяжелого платья не дали Сэндзю дослушать следующую часть песни:

...Ах, но как же,

¹² Текст песни и далее тексты стихотворений взяты из Приложения к «Повести о Гэндзи» издательства «Гиперион» 2010 г. И частично изменены в угоду сюжету – здесь немного переделанная песня «Высокие дюны».

Ах, но что же это?

Слишком поспешило сердце моё.

Лилия в саду...

Аккуратно, не намочив широкие рукава, девушка очистила лицо водой из глубокой темной лакированной миски. Вытираясь полотенцем, Сэндзю поняла, что и на кухне поют. Фын-цзе, все ещё в одежде служанки, месила тесто для лапши и мурлыкала:

... Ты меня полюбил, когда я при тебе

Не взяла у другого в трех связках монеты.

Как же мне повезло то, что ты позабыл:

Я привыкла к оплате побольше, чем эта...¹³

Перестав, девушка повернула голову и прищурилась:

– Хорошо ли у меня выходит?

– Петь или готовить? – улыбнулась Сэндзю.

– В первом ты больше смыслишь.

– Если б это был театр, я бы подумала, что дева веселья притворяется, что она хуже, чем на самом деле есть.

Фын-цзе фыркнула и принялась с двойным усердием месить тесто.

– А почему готовишь ты? Где Укон¹⁴?

¹³ Песня сочинена самим автором.

¹⁴ Имя дано в честь прислужницы одной из возлюбленных главного героя в

– Стирать ушла. Она сейчас одна у нас. Сигэёси приведет в дом жену – я больше всех обрадуюсь.

– Невеста его из дома, где служанка есть. Едва ли сама работать будет, – пожала плечами равнодушная Сэндзю, будто не её недавно огорчила песня, лившаяся из-за угла флигеля.

– Ничего слушать не буду! – возмутилась шутливо Фын-це. – Ах, как хорошо жилось, когда здесь три служанки хозяйство вели! И случилось же мужьям двух из них найти работу в провинции Сануки!..

... А управляющий, недовольный и озлобленный, сидел в общей комнате на бедном постоялом дворе – других в деревне недалеко от покинутой им усадьбы не было – и ужинал, то вспоминая недавнее унижение и подбирая слова, чтобы представить покинутых дам в самом дурном свете перед своими господами, то прислушиваясь к разговорам. За соседними низкими столами сидели благородного вида юноша в светло-сером охотничьем платье и высокой шапке и молодой монах в широких черных одеждах. Сначала Такэсато подумал, что оба мужчины едут с чьих-то похорон, но, судя по их беседе, путники познакомились не так уж давно. Управляющему очень понравился юноша тем, что он не выражал никакой досады, будучи в месте захудалом и сидя за столом, за который, должно быть, где-то в усадьбе не опустятся даже слуги этого спокойного господина.

– ... Мне очень тоскливо было до пострига. Сейчас куда

легче, – объяснял монах, отложив палочки для приёма пищи. – А вы! Вы в прошлой жизни верно следовали заветам Будды и в награду в этой жизни богаты и свободны. Но счастья человеку никогда не достичь – нас лишь касается иногда мимолетная тень. Счастье – короткое цветение вишни.

– Я уже думаю: «Молиться ли мне о том, чтобы душа той, кто мне всего важнее, сподобилась Чистой обители рая, и мы вместе встретились в едином венчике лотоса, или о том, чтобы мы переродились опять и познали любовь земную?» То, что мы тянулись друг к другу, предначертано было ещё в прошлых жизнях...

– Увы! Сколько скорби и боли стучат сандалиями по дорогам от дома к дому по всей стране! Мне один монах-отшельник рассказывал, что здесь живет госпожа из столицы...

– Если вы про усадьбу у реки, – вмешался управляющий, – то женщины там заслуживают еще более чудовищных потрясений. Простите, что прерываю вас. Но я при монахе и благородном юноше и говорить о всех гадостях не смею.

– Возможно, они вели себя дурно в большом городе, имея средства и не имея надёжного советчика под рукой, – возразил служитель Будды, нисколько не обидясь, – но сейчас женщины исправились. Наставник-отшельник мой видел, как в заброшенном саду усадьбы они нашли девушку и выходили ее...

– Это моя госпожа! – всплеснул руками юноша. – И как вы, зная о моей беде, молчали?..

IV

– Нет, нечаянная гостья их была издалека. Должно быть, даже из-за моря. Платье ее было не нашего кроя, а в бреду до исцеления говорила она на языке торговцев из Китая и называла чужие города.

– Вы говорили с ней? Вы видели ее? – дрожал молодой господин.

– Мой учитель видел ее последний раз, творя похоронные обряды в усадьбе две или три луны назад.

– Там кто-то умер, а мне ни слова не сказали! – вспыхнул управляющий.

– Не знаю, кто покинул наш мир: сама госпожа или одна из её дам. Но отшельник рассказывал после, как заботливо и бережно относилась найденная девушка к другой, должно быть, многим связанной с покойницей и оттого почти убитой горем. Каждый раз, когда чужестранка отступала от новой подруги хотя бы на сяку¹⁵ и смотрела в другую сторону, юная госпожа была готова чувств лишиться!

– Конь чей-то отвязанный ходит по двору! – забежал в комнату работник.

– А ты куда – в чистый зал грязный, как скотина? – рас- свирепел хозяин, – Сам сейчас всё перемоешь!

Монах пришел пешком. Такэсато и юноша поспешили на

¹⁵ Японская мера длины, равная 30,3 см.

улицу. Там по сырому двору прохаживался конь статный, высокий, черной мастью и крупной головой похожий на быка. Увидев, что молодой господин, не опасаясь испачкать одежду, шагнул в месиво под ногами, управляющий не выдержал:

– Позвольте мне услужить вам? Или я могу позвать ваших слуг...

– Я их нанял в Муроцу. Те, кто приехали со мной из столицы, погибли от рук напавших разбойников, – ответил с большим сожалением юноша, твёрдо возвращая красивого беглеца в конюшню.

– Как вас зовут, господин? У вас есть дело к жителям усадьбы на берегу реки Ниёдо? – засуетился Такэсато. – Я управляющий, господа Хосокава прислали помочь женщинам. Я кажусь злым, но я лишь обеспокоен. А если представить самое страшное? Раз умерла сама мать, дочь живет одна со старыми дамами, не способными за всем проследить... и откуда-то берёт средства на жизнь!

– Как вас зовут? – крикнул из конюшни юноша.

– Такэсато Кикиути, – даже подскакивал от волнения управляющий.

Юноша вышел, устроив скакуна достойно, и только тогда наклонился к уху собеседника:

– Господин Имубэ¹⁶. Младший брат правителя провинции

¹⁶ Представители этого рода считались потомками мифических персонажей, спутников первого императора Японии Дзимму.

Сануки.

Услышав о принадлежности нового знакомого к такому роду, управляющий начал кланяться. Юноше пришлось нагибаться тоже, чтобы догнать ухо мужчины:

– Моя невестка – сестра твоих господ. Ей судьба последней жены отца небезразлична.

Не зря Такэсато Кикиути сделался управляющим! Он умел быстро думать. Сообразив, что молодой господин быстрее своей властью и возможностями наведёт порядок в обители порока, которой стала усадьба, и подарит случай, пока суд да дело, прикарманить деньги для госпожи Хосокавы – не оставлять же родственников брата в нищете! – мужчина принялся просить:

– Не посетите ли вы этих женщин? Поддержка их – ваше дело. Но вы скорее, чем я, узнаете, кто все-таки умер, и не пора ли брать ответственность за жизнь неразумной сироты? Вас не посмеют прогнать, вам не будут угрожать. Я жалкий слуга без права хоть что-то от вас просить и ожидать, но для действенной помощи беззащитным и обездоленным со стороны моих милосердных господ призываю приоткрыть завесу тайны!

В это время из дома раздался душераздирающий вопль.

V

Двое мужчин поспешили вернуться. Такэсато бормотал:

«Разбойники! Разбойники!» но не решался бежать – жалко было вещи, да и бесстрашие господина Имубэ, уже пережившего прежде нападение и гибель слуг, но не лишившегося присутствия духа, вселяло в управляющего немного силы.

Монах уже удалился в соседнее с общим залом помещение – крохотную комнатку – чтобы читать молитвы. Посвятивший жизнь Будде из глубины жилища и хлопочущие о мирском у выхода на улицу смотрели, как хозяин постоянного двора не скупится на брань для невезучего работника.

– У-у-у! Да моя слепая прабабка лучше берегла добро! Что, у стола ноги бегать научились, пока ты, грязное чучело, набирал воду?

– Простите, господин! – слуга упал на колени. – Сломайте шест об мою спину, только не гоните!

– Я лучше подносы гостям буду ставить тебе на спину, и не смей пошевелиться, пока кто-то трапезничает! – бушевал владыка постоянного двора. На лице работника мелькнула радость. Ведь совсем не плохо стоять перед господами в лучшей комнате вместо того, чтобы убирать конюшню в холод и ходить за дровами в лес под дождём! Заметив счастливые глаза, хозяин замахнулся тяжёлой ладонью. Юноша, всё ещё не разгибая ног, опустил голову до старой, но добротной циновки с пятном грязи у одного края, и попытался уменьшить гнев господина:

– А если столик найдётся? Ведь ваш старый зонтик вернулся домой в прошлую луну, помните?

– Да я тебя убью! – и не думал прощать работника мужчины.

Отчаявшись, несчастный проскочил мимо двух постояльцев и побежал по двору. Хозяин, грязно бранясь и обещая неприятные вещи, зашлёпал по лужам следом, пачкая штаны, подол короткого кимоно и белые носки с отдельным большим пальцем, называемые «таби». Такэсато Кикиути и его новый родовитый знакомый прошли к монаху, перебирающему задумчиво деревянные бусины четок.

– В этом доме пропадают старые вещи. Как бы здесь не жили цукумогами¹⁷! – служитель Будды высказался осторожно, перестав хмуриться, как только разъяренный хозяин вместе со слугой скрылись во дворе.

– Взглянул бы я на местные чайник и одеяло, – пошутил юноша, вспоминая ёкаев по имени Бороборо-тон (душившего людей по ночам) и Мориндзи-но-Окама (фарфоровый сосуд, в котором появилась душа).

– Что же делать! Хоть в чистом поле ночуй, – почесал затылок Такэсато. – Повезло, что с нами монах. Такая удачная встреча точно предопределена была за сотни жизней до сегодняшнего дня!

На следующий день господин в серых одеждах верхом на черном коне и его одетый в светло-коричневое простое платье слуга, сидевший на рыжей лошади, стучали в старые во-

¹⁷ По японским легендам, старые или потерянные вещи превращаются в цукумогами – нечисть, особый вид волшебных существ – ёкаев.

рота одинокой усадьбы.

– Где же сторож? – расстроился юноша. – Слезь-ка на землю и поищи, нет ли в стене дыры.

– Ночью шёл дождь. Трава сырая, – заворчал спутник, не торопясь выполнить поручение.

Из-за ворот послышался голос:

– Погодите! Бегу! Простите!

Тёмно-красные в тех местах, где ещё не показалось в трещины голое дерево, створки распахнулись.

– Наш привратник захворал, – объяснился, выйдя к гостям, выдающегося роста молодой человек с длинным скуластым лицом. Лоб незнакомца был высоким, а улыбка – широкой и задорной. – У нас опять посетители! Я покажу тропинку.

В узкой одежде такой тёмной синей окраски, что в тени халат и штаны казались совсем черными, слуга повёл путников по заброшенному саду с высокой бурой травой и голыми ветвями кустов и деревьев, сплетёнными в причудливые узоры.

– Здорова ли госпожа Хосокава? – спросил главный гость.

– После того, как хозяйка упала в дыру в галерее, она не ходит вовсе, – ответил юноша, шедший впереди и как раз отвернувшийся – то ли чтобы отодвинуть кусок ствола с тропы, то ли чтобы спрятать лицо. – Но нежные заботы дочери и дам помогают госпоже не впадать в уныние. Тем более после радостного события!

– У вас случился праздник? – продолжил господин в сером, наклонившийся и подтягивающий руками широкие штаны, к которым уже прицепилось несколько толстых стеблей и даже светлое соцветие астильбы, похожей на метлу.

– Не смею рассказать. Это к госпоже.

– А давно ли ты служишь семье Хосокава? Ты работал в усадьбе ещё когда здесь было пусто?

– Нет, только сторож здесь был. Я сирота. Когда узнал, что сюда приехали люди непростые, устроился за еду и крышу над головой.

– Много ли тут еще слуг?

– Только Укон, она стряпает и в комнатах убирается. Госпожа и спутницы её многое сами делать умеют.

Девушка в персиковом кимоно – но не Фын-цзе – и в бледно-зеленой юбке хлопотала у подставки с шестом и занавеской – на этот раз новой, бежевой, с редкими рисунками коричневых сосен и красными лентами, висевшими по обе стороны перекладины. Циновку для гостя на открытой перед домом площадке подготовили свежую. Молодой господин сел. Его слуга остался ждать в саду около дома. Вскоре мужчины поняли по шуму, стуку и шелесту, что женщины пришли.

– Меня зовут господин Имубэ, – представился юноша.

– Добро пожаловать! – раздался дребезжащий голос явно пожилого человека. – Но как вы решили нас проведать?

– Я деверь старшей дочери господина Хосокавы.

– Моя Каэдэ! – воскликнула старушка пылко, но не сразу. – Жизнь её сложилась счастливо?

– Ей не о чем беспокоиться, кроме вашей судьбы. Госпожа окружена достатком и любовью. Они с мужем растят двух сыновей – в провинции Сануки, не так уж далеко отсюда!

– Кому как...

– Простите, – юноша вспомнил о недуге пожилой хозяйки и застыдился. – Если я к чему-то подводил, то только к вашему возможному исцелению, о котором буду молиться.

– Благодарю.

– Пославшая меня госпожа настоятельно просила узнать, чем мы вдвоем сможем помочь. Жизнь в подобных местах иногда сложно устроить с удобствами. Прошу не утаивать от нас ничего. Семья должна быть семьёй, даже если между людьми долгие годы жизни и дни пути...

Господин Имубэ совсем не следил за своим слугой, а тот стоял на земле у подъема к комнатам и площадке для разговоров, впившись взглядом в деревянные столбы, державшие полы зданий усадьбы высоко над землей. Вдруг мужчина услышал стук и обернулся. У угла павильона ждал юноша, умевший пройти по заброшенному саду. Новый приятель, опустив ладонь вниз, то сгибал прямые пальцы, то снова вытягивал, маня незнатного гостя привычным в тех краях жестом. В другой руке сироты была маленькая деревянная чашечка. На нижней перекладине перилл, очерчивавших доски пола, не занятые светлыми легкими стенами дома, появи-

лась мисочка с маринованными сливами-умебоши.

Приезжий слуга поспешил, предвкушая угощение.

– Нынче холодно. Согрейся, – шёпотом сказал юноша.

– Крепкий напиток! – обрадовался, осушив чашечку, собеседник. – Это из запасов госпожи?

– Кто знает? Женщины много не выпьют, а нам нужнее, – усмехнулся молодой человек.

– Ха-ха! Ты весёлый! Как тебя зовут?

– Сигэёси. Я вспоминаю еще один весёлый случай – спектакль. Там господин послал слугу отвести волов и отнести бочонок сакэ через горы. Звали молодца Таро Кадзя. Он сам сакэ попробовать решил. Чарочку выпивал – воды в бочонок подливал. Ничего, кроме воды, в посудине и не осталось...

– Уа-ха-ха-ха! А что скот?

– Разбежался. Таро Кадзя все-таки дошел до дома, куда его посылали... Но разве в столице уже не ставят эту пьесу?¹⁸

– Слуги нашего хозяина были убиты разбойниками. Нас наняли в Муроцу.

– Ух! А я уже готовился попросить сыскать для меня местечко во дворце твоего господина в Хэйане!..

– Далеко пойдёшь, Сигэёси! Впрочем, ты уже много где побывал, раз видел пьесы! Сюда актеры не поедут.

– Где я только ни плутал, пока не сыскал здесь пристани-

¹⁸ Речь идет о реальном спектакле «Кирокуда» театра кёгэн. Исторически театр возник в XIV веке, а остальные описываемые в книге события датируются периодом с VIII по XII века. Однако представим, что вдруг существовал разыгрываемый по-другому прототип известного спектакля?

ще...

А сам господин Имубэ тщетно убеждал собеседницу за занавеской не отказываться от любой другой помощи, кроме ласковых слов в частых письмах.

– Госпожа Хосокава, позвольте мне хотя бы нанять работников и привести в порядок сад! Иначе здесь заведутся дикие звери, как в лесах и горах...

– В лесах и горах еще живут ёкаи, и есть пример, когда они были настроены к нам благосклонно, – перед ответом за занавесом были слышны шорох и шёпот: мать советовалась с дочерью?

– Ваша встреча с ними была счастливой?! – воскликнул юноша.

– Мы не встречались лично, но разбогатели не без их участия. Вам доверилась Каэдэ – доверимся и мы. Слушайте!..

VI

– ... Когда мы только приехали сюда, многое в усадьбе было старым и к использованию негодным. Даже еды мне, дочке и трем нашим дамам не хватало! А ещё мы нашли в саду девушку и приняли в нашу семью. Работали, рук не покладая. Никого о помощи не просили не по гордости – не знали просто, кто друг теперь. Не унывали, в заслугу того не пропишешь – кабы хоть один час в один день проплакали, завтра б не было в усадьбе еды и дров. Дама по имени Наги-

ко¹⁹ отправилась копать огород. Лопатой она что-то разбила, и в рыхлую землю неглубокой ямки посыпались дивные золотые украшения! Мы решили, что ещё до постройки усадьбы кому-то пришло в голову закопать клад, который был послан потом нам для облегчения участи.

– Я точно историю из фантастической повести услышал! – с трудом верил своим ушам гость.

Хлоп!

Перекладина снова сломалась, и занавес мягкими волнами упал на пол. Перед юношей быстро появилась интересная картина. Ближе всех к подставке сидела женщина в множестве белых одеяний с широкими рукавами, скрывавшими даже пальцы. Спина совсем немолодой собеседницы осталась прямой, как бы гордо показывая, что не зря богатый и знатный господин много лет назад выбрал именно эту безродную девушку в супруги. Может быть, лицо сохранило остатки былой красоты, но оно оказалось закрытым. Соблюдая приличия, молоденькая девушка, сидевшая рядом, подняла левую руку со складным веером, на котором были два колеса повозки и россыпь алых листьев клена, и прикрыла госпожу Хосокаву. Дочь? Юноша успел увидеть очень бледное лицо, поймать любопытный и мягкий взгляд, заметить, как от испуга и неожиданности красавица закусил тонкую губу. Но вскоре перед младшей госпожой вырос веер с вет-

¹⁹ Возможно, имя Киёхара Нагико носила Сэй-Сёнагон, автор «Записок у изголовья».

ками сосны, открывая глазам доступ только к зелёному верхнему платью с узором из наложенных друг на друга листьев и цветов. Кто же совершил святотатство? Должно быть, недавно принятая в семью девушка. Здесь лицо было таким возмущённым, что причудливый алый наряд только подчеркивал ярость чужестранки. Халат с объёмными рукавами был завязан на узкой талии широким пурпурным поясом, с которого свисали лёгкие ленты в цвет верхнего платья. Нижнее одеяние тёмно-кирпичного цвета отличалось узкими рукавами, поверх них чёрные полосы ткани наматывались на кисть руки чуть ли не до места, откуда начинался большой палец. «Я из другого царства!» – будто гордо всему миру объявляла девушка своим нарядом. Другой рукой она вскоре тоже закрыла свое лицо – веером не складным, а округлым. Там разбивались друг о друга под алым солнцем, синим месяцем и причудливо изогнутыми серыми клубками облаков две могучие морские волны. В глубине помещения сидели еще две пожилые дамы – их грузные фигуры не могли спрятать многослойные одежды. Наперсницы госпожи Хосокавы тоже скрыли лица веерами – но складными. Хозяйка позвала:

– Укон! Сигэёси!

Слуга выскочил из укромного места и поспешил за новым шестом. Работница же подняла занавес и держала его между гостем и женщинами, широко разведя руки.

– Какая неприятность! – воскликнула хозяйка.

– Я ничего не видел! Я отвлекся на тучи над садом. Не пойдет ли сегодня вечером снег? – успокаивал старушку гость.

– Ах, что подумает о нас моя падчерица!

– Подумает то, что вы напишете. Не затягивайте. Быть может, я уже сегодня вечером отправлю слугу с радостной новостью?

– Ах! У нас нет бумаги, – судя по голосу, расстроенная госпожа ещё больше переживала.

– Я пришлю вам! – пообещал господин Имубэ.

Сигэёси принес новую палку. Они со служанкой быстро повесили занавес, как положено, но беседу пришлось ненадолго прервать.

– Мы будем долго писать. Нет нужды задерживать здесь слугу. Мы сами найдем способ передать послание завтра. Куда нести? – госпожа Хосокава говорила, всхлипывая.

– Я сам хотел зайти сюда завтра. Но что вы горюете?..

– Я болею. Вчера не смогла выйти к управляющему. Сегодня утром было получше, но любая мелочь может лишить меня сил. Надо отдохнуть. Моя дочь задержится с вами. Простите...

– Выздоровливайте!

Сигэёси и Укон проскользнули за занавеску и, судя по скрипу и шороху, слуга унес пожилую госпожу в комнаты вглубь дома. Молодая хозяйка и недовольная подруга остались. Старые далёкие дамы тоже.

– Когда вы прибыли на этот остров из столицы? – спросила нарочито четко девушка нежным голосом. Она старалась, потому что переживала. Значит, добрая – та, которая понравилась!

– На конец девятой луны. А выехал я сразу после праздника Пятой луны. Я был на пиру, устроенном императором во дворце Бутокудэн. Лились чудесная музыка и аромат айра, ведь никто не мог сосчитать, сколько парчовых мешочков с этим растением было развешено на столбах и балках зала. Мы ещё выходили посмотреть на состязания по стрельбе верхом, но у всех на шапках лежали венки из айра – никуда не деться от благоухания! А потом я уехал, и видел, как цвели сначала лотосы и гвоздики, за ними – патриния и колокольчики, последними – кусты хаги и хризантемы.

– Цветок мурасаки,

Он один лишь тому причиной:

В долине Мусаси

Все цветы, все травы вдруг стали

Бесконечно дороги сердцу, – вспомнила собеседница подходящее к случаю стихотворение.

– Вы знакомы с «Кокинвакасю»²⁰! – не поверил своим ушам юноша.

– Кто не знает «Собрания старых и новых песен»? Я выросла в столице, получила воспитание там и, может быть,

²⁰ Большой сборник японской поэзии эпохи Хэйан. Реально существует, был создан около 905 года нашей эры.

вернуть.

– Не хотите ли вы вернуться ради кого-то? Не ждёт ли вас в Хэйане возлюбленный?

– Не слишком ли нескромен ваш вопрос? – пробурчала из-за занавеса вторая девушка. – Может, мы хотим стать придворными дамами государыни и свободно ходить по дворцам, пировать и по ночам принимать самых блестящих вельмож и министров?

Шлёп!

Кто-то за занавеской зашипел. Понимая, что чувствительной молодой госпоже Хосокаве может быть неловко, юноша перевёл разговор на другую тему:

– Над садом сейчас так красиво! На серо-коричневые деревья точно выложили слой из солнечного света. Диск правда сверкает, и сложно поверить, что воздух над нами забыл, что такое тепло. А дальше на так далеко, что не видно, где конец, тянутся серые тучи. Небо и там неоднородное. Кое-где я вижу светлые косые полосы. Как бы ни случилось чего! Здесь бывают снежные бури?

– Не было ещё. Но лучше быть осторожными, – ответил снова добрый голос. – Если вы не поторопитесь, стемнеет, и ехать куда-либо станет мучительно.

– Что наш мир?

Не плавучий ли, зыбкий

Мост сновидений?

Суждено по нему проходящим

Печалится и страдать...²¹

– Сетовал я

На своей судьбы безотрадность,

Теперь же

Еще и о бедах чужих

Приходится мне вздыхать...²² Господин Имубэ, если с вами что-то случится, кто пришлёт бумагу и отправит моей сестре письмо? – полушутя спросила дочь госпожи Хосокавы.

– Я ухожу, но только чтобы выполнить данное прежде обещание, – решился юноша и быстро вскочил на ноги, спустился к слуге и пошёл на пролом через заросли, суетясь. Гость не услышал, как недружелюбный голос из-за занавески тихо сказал:

– Если он упадет в ручей и потонет, у нас будет много неприятностей...

– Укон! Сигэёси! – закричала добрая девушка по направлению к дому. – Кто-нибудь! Надо проводить!

– Она волнуется за меня! – словно расцвел господин Имубэ.

Но за треском веток одного кривого куста слуга не услышал и переспросил с надеждой:

– Вы приказываете возвратиться к усадьбе?

– Нет. Просто удивился вслух, как на улице к вечеру по-

²¹ Из Приложения к «Повести о Гэндзи» издательства «Гиперион» 2010 г.

²² Оттуда же, что и прошлое.

теплело.

Конец первой части

Часть II

I

Вечером девушки из усадьбы у реки Ниёдо решили поиграть в один из видов маджонга – каждая за двоих. На кусок тёмно-зелёной ткани были выложены бежевые кости. Одни лежали, образуя двухслойную стену в форме косоугольного квадрата. Другие стояли перед девушками. Молодая госпожа Хосокава и Фын-цзе выбросили в центр по одному прямоугольнику с причудливым узором – самые ненужные на их взгляд кости. Взяли новые брусочки со стены. Проверили расклады. Снова избавились от ненужных фишек... Через некоторое время зелёной ткани почти не стало видно из-за россыпи бежевых костей. Стены таяли.

Девушки не переоделись с приёма гостя. Они сидели на полу за низким столиком, покрытым тёплым голубым одеялом под необходимым для игры в маджонг. Внизу под предметом мебели был расположен ящик с угольками, и сам воздух грел ноги красавиц. Комната их со светлыми и без росписи стенами между деревянными столбами казалась очень просторной. С одной стороны девушек дополнительно укрывала светло-коричневая ширма с тёмным деревом, покрытым белыми цветами. Напротив неё и по стене справа стояли чёрные рамки, на которых были растянуты нарядные ки-

моно: распахнутые, закреплённые с помощью верёвок так, чтобы радовать глаз сочетанием оттенков и узорами. «Глициния» (лиловое платье на светло-зелёной подкладке), «азалия» (белое на алой), «вишня» (белое на розовой) ... Халаты ждали весны. Возле столика в плоске на высокой черной подставке горела масляная лампа, огороженная от сквозняка небольшим листом бумаги, привязанным одной стороной к длинной тёмной палке.

– Фын-цзе, почему ты никогда не видела дракона? Почему они не могут вести беседы с такими, как ты?

– Они и с такими, какой моя матушка была, знакомиться не торопятся. Ну... ты же не спешишь с цикадой дружить, Наоки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.